

и Блоком. Начало было положено Г., который написал стих. **«Александр Блоку»**, явившееся откликом на известное стих. поэта «Все на земле умрет — и мать, и младость...» (1909). Автор послания отвечал на следующие строки блоковского текста: «И к вздрагиваниям медленного хлада / Усталую ты душу приучи, / Чтоб было здесь ей ничего не надо, / Когда оттуда ринутся лучи». Г., полемизируя, писал: «Ты думаешь — они оттуда ринутся? / Мне кажется, что — нет... / <...> Ты понял ли, что все уже известное / Лишь неизвестно нам,— / Что мы идем в стране уже прелестной, / Но горестной очам...» Скорым ответом Блока было стих. «Владимиру Бестужеву» («Да, знаю я: пронзили ночь от века...»), в последней строфе которого он вновь утверждал: «Но страннику, кто снежной ночью полон, / Кто загляделся в тьму, / Приснится, что не в вечный свет вошел он, / А луч сошел к нему». В свою очередь Г. откликнулся циклом **«Александр Блоку»**, состоящим из 4 стих.: **«Таинственно люблю — и знаю сладость в розах...»**, **«Да, все признать! и безрассудно верить...»**, **«Но мы забыли чувственную прелесть...»**, **«Да, все признать!.. любить с тоской пристрастной...»**. Эта поэтическая переписка Г. и Блока была опубликована в ж. «Гиперборей» (1912. № 2. Ноябрь.) (подробнее см.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 542–543, 553–554).

В 1915 вышла в свет брошюра Г. **«Пушкин и христианство»**, в которой он стремился показать жизнь и творчество поэта как проявление истинно христианских начал при всей противоречивости и стихийности его натуры.

В середине 1910-х Г. опубликовал поэму **«Влюбленность»** (1916), сб. **«Ночь в звездах»** (1915), **«Томление духа»** (1916). Жанр произведений последнего из них поэт обозначил как «вольные сонеты». Брюсов в очень сдержанной рецензии на книгу, в частности, отмечал: «Автор излагает свои мысли о современных поэтах, об Италии и Англии, о религии и смерти, но остается непонятно, зачем каждое такое размышление укорочено до 14-ти строк или растянуто на это число стихов. Впрочем, в книге есть отдельные неплохие стихи, автор способен и любит мыслить, в манере его письма чувствуется некоторая „школа“...» (Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. М., 1990. С. 480). Из последующих публикаций наиболее заметной следует считать поэму **«Лик человеческий»** (1922) — «опыт духовной автобиографии» (А. В. Лавров).

У Г., конечно, не было такой широкой известности, как у Брюсова, Бальмонта, Ме-

режковского, З. Гиппиус, Блока. Однако в кругу модернистов начала века его хорошо знали и ценили как одного из поэтов-новаторов, одаренного лирика философского склада. Неслучайно Вл. Набоков в своих мемуарах **«Другие берега»** обмолвился о нем: «тайный автор замечательных стихов».

Соч.: Возвращение. СПб., 1912; Томление духа. Пг., 1916; Лик человеческий. Пг.; Берлин, 1922; [Стихт] / публ. Е. Биневица // Новый ж. 1993. № 3. С. 126–131.

Лит.: Иванов-Разумник Р. Три богатыря // Летопись Дома литераторов. 1922. № 7; Иван Коневской. Письма к Вл. Гиппиусу / публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979; Пять писем Брюсова к Вл. Гиппиусу / подг. текста и прим. Э. Литвин // В. Брюсов и лит-ра конца XIX — нач. XX в. Ставрополь, 1979; Тименчик Р. Вл. Гиппиус // Родник. 1988. № 4; Биневиц Е. ...Тайный автор замечательных стихов // Новый ж. 1993. № 3. С. 121–125.

В. Н. Быстров

ГИППИУС Зинаида Николаевна (псевдоним Антон Крайний и др.; в замужестве Мережковская) [8(20).11.1869, г. Белёв Тульской губ.— 9.9.1945, Париж; похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем] — поэтесса, прозаик, лит. критик, мемуарист, драматург.

Семья Г. ведет начало от немца Адольфуса фон Гингста, изменившего фамилию на «фон Гиппиус» и обосновавшегося в Москве в начале XVI в., где в Немецкой слободе им

З. Н. Гиппиус

был открыт первый книжный магазин. Отец Г., Николай Романович, по образованию юрист, в янв. 1869 женился в Туле на дочери екатеринбургского полицмейстера В. Степанова Анастасии (1849–1903). Получил место в г. Белёве. Здесь родилась их старшая дочь Зинаида, будущая поэтесса. Кроме нее в семье были три младшие дочери. Все они отличались исключительной красотой и талантами: Анна (Ася, 1872–1942), ставшая врачом, после 1919 жила в эмиграции, автор сочинений на историко-религиозные темы, в т. ч. книги «Святой Тихон Задонский» (1927); Татьяна (Тата, 1877–1957) — художница символистского направления, училась у И. Е. Репина и Ф. А. Рубо, в 1920-е входила в религиозно-философское общество А. А. Мейера, автор портрета А. Блока (1906); Наталия (Ната, 1880–1963) окончила Академию художеств по классу скульптуры. Тата и Ната прожили всю жизнь вместе, обе входили в ближайший круг Мережковских. В советское время подверглись аресту и ссылке. После Второй мировой войны, освободившись из немецкого концлагеря, работали в Новгородском худож. музее реставраторами. Одна из работ Наты — скульптура «Три грации», изображающая трех сестер Гиппиус, сохранилась в Санкт-Петербурге на углу улиц Потемкинской и Захарьевской, недалеко от улицы Чайковского, д. 83 (бывшая Сергиевская), последнего дома, где жили до эмиграции Мережковские (см.: Мантейфель С. Воспоминания о сестрах Гиппиус // Чело. Новгород. 2000. № 1; Павлова М. Ивановские «среды» и упоминания о Вячеславе Иванове в дневниках Т. Н. Гиппиус // Вяч. Иванов и его время: материалы VII Международного симпозиума, Вена, 1998. Frankfurt/Main; Wien, 2003). Сразу после рождения первой дочери Николая Романовича переводят в Тулу. В дальнейшем он служил по судебному ведомству во мн. местах России — Саратове, Харькове, Петербурге, Нежине, перевоза на новое место службы всю семью.

После его смерти (умер от туберкулеза 9 марта 1881) мать Г. с детьми переезжает в Москву, а затем, в связи с болезнью сестер, сперва в Ялту, а в 1885 к брату в Тифлис (Тбилиси). Г. получила бессистемное домашнее образование. Обучение в Киевском женском ин-те (1877–78) и Женской классической гимназии С. Н. Фишер в Москве (1882) из-за невозможности разлуки с отцом и болезни Г. довольно быстро прервалось. За юный возраст и постоянную печаль на лице в ин-те ее шуточно прозвали «маленький человек с большим горем». Стихи Г. стала писать с 7 лет

(См.: Гиппиус З. Н. **Автобиографическая заметка** // Русская лит.-ра. XX век (1890–1910) / под ред. профессора С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. Кн. 2. С. 173–177).

Летом 1888 в Боржоми (Закавказье) она познакомилась с 23-летним столичным поэтом Д. С. Мережковским. Перед ним, вспоминала Г., «все мои гимназисты <...> совсем поглупели» (Гиппиус З. Н. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. Кн. 2. С. 172). 8 янв. 1889 в Тифлисе, в церкви Михаила Архангела, Г. была обвенчана с Мережковским, с которым прожила 52 года, не разлучаясь «ни на один день». Через 2 недели новобрачные приехали в Петербург, в котором Г. была только дважды в возрасте 4 и 8 лет. Здесь она знакомится с такими известными писателями и критиками, как Я. Полонский, А. Майков, Д. Григорович, А. Плещеев, П. Вейнберг, А. Шеллер-Михайлов, П. Боборыкин, К. Баранцевич, В. Немирович-Данченко, В. Стасов, Н. Михайловский, сближается с молодым поэтом Н. Минским и редакцией «Северного вестника» (1885–99) — А. Евреиновой, М. Альбовым, Л. Гуревич. Ведущим критиком и душой журнала был А. Волынский. С этим журналом, ориентировавшимся на новое направление «от позитивизма к идеализму», связаны и первые лит. опыты Г. В этом же вместе с Мережковским она публикует как свои стихи, так и прозу. Здесь появляются ее ранние рассказы «В Москве» (1891), «Два сердца» (1892), «Мисс Май» (1895), «Златоцвет. Петербургская новелла», «Зеркала» (оба — 1896), «Среди мертвых» (1897). Г. входит в деловые контакты с редакторами мн. столичных журналов, знакомится с семьей Давыдовых (А. А. Давыдова — издательница ж. «Мир Божий»), слушает публичные лекции, посещает Шекспировский кружок Спасовича, членами которого являлись известные адвокаты С. А. Андреевский (по словам Г., был ее «единственной» и настоящей «подругой»), В. Д. Спасович, А. И. Урусов, А. Ф. Кони, бывает на собраниях у П. И. Вейнберга (1897–1901), становится членом-сотрудником Русского лит. общества (Невский проспект, д. 85). «Любимым путешествием», по признанию поэтессы, были визиты Мережковских к Аларчину мосту, рядом с которым находился особняк известной на всю Европу красивой и элегантной светской дамы баронессы В. И. Икскуль-Гильдебрандт, интересовавшейся лит.-рой и искусством, занимавшейся благотворительностью и изданием книг для народа. В ее салоне можно было встретить людей самых разных положений и взглядов, от врачей, ученых, ху-

дожников и литераторов, до генералов и министров. И. Е. Репин написал с нее в 1889 знаменитый портрет, а художники М. В. Нестеров и А. Н. Бенуа оставили о ней свои воспоминания. В особняке Икскуль Мережковские познакомились с философом В. С. Соловьевым, с которым неоднократно встречались в 1896–1900, а с его младшей сестрой Поликсеной, поэтессой и художницей, у Г. на долгие годы сложились самые приятельские отношения (См.: Бокова В. Баронесса Икскуль // Лица: биографический альм. Вып. 4. М.; СПб., 1994. С. 95–123). Интерес к Соловьеву Г. пронесла через всю свою жизнь. Уже после смерти философа (1900) она его неоднократно «сплошь» перечитывала, находя в нем столько глубоких и близких себе идей, что «не переставала ему удивляться». Она видела в нем провозвестника «нового» духа и одного из творцов идеи «Церкви Вселенской» (Гиппиус З. Меч и Крест // Совр. записки. Париж. 1926. № 27. С. 346–368). Позднее тесные отношения завязываются у Г. с В. Розановым, Ф. Сологубом, А. Блоком, В. Брюсовым, А. Белым.

По воспоминаниям современников, от эффектной «блестящей Зинаиды шли холодные сквознячки <...> Она была очень красивая. Высокая, тонкая, как юноша, гибкая. Золотые косы дважды обвивались вокруг маленькой, хорошо посаженной головы. Глаза большие, зеленые, русалочьи, беспокойные и скользкие. Улыбка почти не сходила с ее лица» (Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего: Встречи с писателями // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 327). Но «при всей целомудренности фигуры, напоминавшей скорее юношу, переодетого дамой, лицо Зинаиды Николаевны дышало каким-то грешным всепониманием» (Погорелов Б. «Скорпион» и «Весы» // Там же. С. 315). «Кокетливость достигала в ней высоких степеней художественности <...> На поверхности была по отношению ко всякому, сколько-нибудь интересному собеседнику, настоящая комедия любви, обаянию которой все поддавались <...> А внутри <...> З. Н. Гиппиус вступала в мир какого-то фантастического бреда. В иных делах нельзя было отличить действительной жизни от игры фантазии» (Волинский А. Л. Сильфида // Минувшее: исторический альм. Вып. 12. М.; СПб., 1993. С. 275). Г. нравилось экспериментировать над людьми, эпатуруя их колкими фразами с весьма смелыми шутками-играми. За все это современники называли ее «сатанею», «реальной ведьмой», «декадентской мадонной». Г. боялись, но к ней и тянулись. Природная красота

поэтессы привлекала к ней мн. поклонников. Однако за внешним лоском и игривой беспечностью уже с начала 1890-х в душе Г. происходит напряженный внутренний поиск. В это время у нее совместно с Мережковским начинают оформляться идеи свободы, метафизики любви и неорелигиозных воззрений. 17 нояб. 1893 в своем дневнике «Contes d'amour» Г. записала: «Мысли о Свободе не покидают меня. <...> Свобода от людей, от всего людского, от своих желаний, от — судьбы... Надо полюбить себя, как Бога. Все равно, любишь ли Бога или себя...» (Дневники. Кн. 1. С. 50. См. также стих. «**Посвящение**», 1894). Неповторимо-своеобразные, мучительно-страстные любовные романы Г., начиная с романа с самой собой («полюбить себя, как Бога»), а затем с мужчинами и женщинами, всегда были для нее шире пола, шире обычной физиологической близости, являясь главным содержательным началом как ее худож. творчества, так и значимой части религиозно-метафизических устремлений. Однако к 1897 «гимназическая удаль», «дешевый демонизм» и индивидуалистическое рабство ее уже не прельщают. К началу века духовно-религиозный максимализм Мережковских, осознавших свою провиденциальную роль не только в судьбе России, но и в судьбе человечества на началах Любви и Свободы, достигает социального апогея. Наполняя новым смыслом слово «свобода», Г. в статье «**Хлеб жизни**» (1901) писала: «Пусть же будет у нас чувство обязанности по отношению к плоти, к жизни, и предчувствие свободы — к духу, к религии. Когда жизнь и религия действительно сойдутся, станут как бы одно — наше чувство долга неизбежно коснется и религии, слившись с предчувствием Свободы; <...> которую обещал нам Сын Человеческий: „Я пришел сделать вас свободными“» (Иоанн 8:32–37) (Дневники. Кн. 1. С. 186). Почти через четверть века, в дек. 1924, уже находясь в Париже, в своей статье «**Оправдание свободы**», полемизируя с религиозной «аполитичностью» Н. Бердяева, Г. вновь возвращается к идее «Свободы»: «...явления общественной жизни, — утверждает она, — нужно освещать религиозно <...> Я говорю: чем глубже мы осознаем, что идея свободы — есть идея свободы в Боге, тем ближе и возможнее ее воплощение» (Неизвестная проза: в 3 т. Т. 1. С. 371).

В 1899–1901 Г. сближается с кружком С. П. Дягилева, органом которого становится ж. «Мир искусства». В этом ж. Г. публикует свои первые лит.-критические статьи. Свои произведения Г. часто подписывает разными,

но непременно мужскими псевдонимами — Антон Крайний, Лев Пущин, Товарищ Герман, Роман Аренский, Антон Кирша, Никита Вечер, В. Витовт. В окт. 1899 у Мережковских возникает идея обновления (как им казалось) во многом себя исчерпавшего «исторического» христианства; для осуществления задуманного необходимо было создание «новой церкви». Стремление услышать живой «голос церкви» и попытка привлечь представителей официального клира к идее их «нового религиозного сознания» подтолкнули Г. к замыслу организации Религиозно-философских собраний. После того как с немалыми трудностями молчаливое согласие на организацию собраний было получено от обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, проведение собраний разрешает и правящий архиерей митрополит Антоний (Вадковский), благословив ректора Духовной академии епископа Сергия (Страгородского), будущего Патриарха Московского и всея Руси, быть председателем, а ректора семинарии архимандрита Сергия (Тихомирова) — вице-председателем предстоящих встреч. Собрания, созданные при активном участии Д. Мережковского, В. Розанова, Д. Filosofova, В. Миролубова, В. Тернавцева и секретаря Е. Егорова, проходили с 29 нояб. 1901 по 19 апр. 1903 в зале Географического общества. Они явились одной из интереснейших страниц истории русской духовной культуры начала XX в. Г. принадлежит и идея создания своего ж. «Новый путь» (дек. 1902–04), в котором наряду с разнообразными материалами о возрождении жизни, лит-ры и искусства через религиозное творчество» печатались и отчеты собраний. Летом 1905 Г. погружается «в одну мысль», внезапно почувствовав, что она перескочила в какую-то «глубь», ее *idée fixe* становится «тройственное устройство мира». «Я не понимала, — поясняла позднее Г., — как можно не понимать такую явную, в глаза бросающуюся, вещь <...> Не символически, но конкретно, 1 — не есть единство нашей личности, нашего „я“? А наша любовь человеческая к другому „я“, так что они, эти „я“, — уже 2, а не один (причем единственность каждого не теряется). И далее — выход во „множественность“ (3), где не теряются в должествовании ни 1, ни 2» (Живые лица. Кн. 2. С. 246–247). Идея «тройственного устройства мира», родившаяся из догмата о Святой Троице, будет подхвачена Мережковским и найдет в его творчестве самое последовательное худож.-философское воплощение.

К 1905 относится и создание знаменитого «троебратства»: Д. и З. Мережковские —

Д. В. Filosofov, совместное существование которого продолжалось 15 лет. Нередко основные идеи и «внезапные догадки», по словам Г. исходящие из триумвирата, инициировались самой поэтессой. К таким «внезапным», поистине гениальным «догадкам» Г. этих лет нужно отнести и поразительное по своей пророческой силе и глубине письмо Г. к Filosofovу о грядущей судьбе России после победы революции («Писано за час до Манифеста» — помета на первой странице автографа после даты 17 окт. 1905; опубл. 1987): «...весь путь их и вся эта картина так мною неприемлема, противна, отвратительна, страшна, — подводит итог анализу планов социал-демократии Г., — что коснуться к ней <...> равносильно для меня было бы предательству моего. Я приемлю ее, в меру ее величественности, целиком как врага. И тут моя честность». Если планы атеистов-революционеров для Г. арифметически ясны и понятны, то ее собственные действия и действия близких ей людей, реально противостоящие этой политической силе, грезятся ей пока лишь «в исторической точке мутного пятна». Ощущение надвигающейся опасности заставляет Г., мобилизуя волю и веру, все же в конце письма надеяться на подъем и спасительную роль религиозной общественности: «Сюда должна врезаться наша нота <...>. Отсюда может явиться новая мелодия» (Наше наследие. 1990. № 4(16). С. 80). Вынужденное (из-за отсутствия денег) закрытие «Нового пути», которому Мережковские отдавали все свои силы, и печальные последствия революционных событий 1905 значительно изменили их жизнь. По словам Г., «всякие свободы были пресечены. Общее настроение <...> было подавленное», «ввиду создавшегося атмосферного удушья» ничего хорошего в России уже не предвидилось (Живые лица. Кн. 2. С. 252–253). В сложившейся ситуации Мережковские все больше уходят от живого и реального «дела» в узкий домашний круг строительства «новой церкви». Они решают заняться осуществлением своего «личного» плана: испытать триумvirат на прочность совместной жизни, попытаться найти себе сторонников в Европе и в среде русских революционеров в эмиграции, познакомиться с новыми религиозными, политическими и культурными движениями на Западе. С этой целью 25 февр. 1906 триумvirат почти на два с половиной года покидает Россию, обосновавшись в Париже.

11 июля 1908 Мережковские возвращаются в Петербург, а с дек. они вновь принимают активное участие в возобновленных в Пе-

тербурге (с 3 окт. 1907) Религиозно-философских собраниях, преобразованных в Религиозно-философское общество. Однако теперь диалог собраний проходил не между представителями интеллигенции и церкви, а внутри самой интеллигенции. Вместе с Блоком, Вяч. Ивановым, Розановым и др. они обсуждают там актуальные проблемы своего времени: о судьбах России, о народе и интеллигенции, о совр. религиозно-философских течениях.

1900–17 были годами наиболее плодотворной лит.-публицистической и практической деятельности Г. во имя воплощения идеи Третьего Завета, грядущей Богочеловеческой теократии, во имя самого «Главного». Соединение христианской и языческой святости для достижения последней вселенской религии являлось заветной мечтой Мережковских. Принцип внешнего разделения с существующей церковью и внутренний союз с нею были положены в основу их «новой церкви». Даже в эмиграции, когда, казалось бы, все их дело было разрушено, Г. продолжает быть верной своей идее. Надежда на религиозное возрождение обновленного человечества и России, подобно воскресению евангелического Лазаря (см. стих. «**Рыжее кружево (о Петербурге)**» с новым названием «**Лазарь**», 1918–38) не покидает Г. никогда.

Два первых, во многом подражательных, «полудетских» стих. Г. за подписью «З. Г.», еще до ее замужества и не без помощи Мережковского, были напечатаны в «Северном вестнике» (1888. № 12), вокруг которого группировались петербургские символисты «старшего» поколения. Ранние стихи Г. отражали общую ситуацию пессимизма и меланхолии 1880-х. «Реакцией на плохую форму гражданской поэзии,— писала М. С. Шагинян,— на короткое время стала „красивость“ и „звучность“ лирической поэзии Надсона» (Шагинян М. С. Человек и время. С. 294). Молодое поколение было увлечено поэзией Надсона, и Г. вместе с Минским, Бальмонтом и Мережковским не была здесь исключением, хотя, как она писала позднее, уже тогда у нее к Надсону «началось охлаждение» (Живые лица. Кн. 2. С. 177). Первый романтико-подражательный этап творчества Г. 1889–92 совпал со временем становления раннего русского символизма и стал для Г. периодом поисков собственного лит. лица. В ж. «Северный вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль» и др. она печатает рассказы, романы («**Без талисмана**», «**Победители**», «**Мелкие волны**» и др.) и реже — стихи. Первой заметной публикацией в прозе стал

ее небольшой рассказ «**Простая жизнь**», появившийся в «Вестнике Европы» в 1890 (№ 4) с небольшими купюрами и под измененным редактором названием «Злосчастная». Если стихи Г. писала как бы интимно и «для себя» и творила их, по ее словам, словно молитву, то в прозе она сознательно ориентировалась на общий эстетический вкус. В этом проявилась характерная для Г. яркая двойственность, амбивалентность ее личности. С одной стороны, обостренный индивидуализм, почти экзистенциальное ощущение одиночества и оставленности в дисгармоничном и обезбоженном мире, а с другой — жажда метафизического единения, тяготение к духовно близким людям, к пронизанному святостью простому народу, к религиозной соборности. Вот почему те, кто ценил в творчестве Г. только ее эстетическое начало (М. Кузмин, Е. Лундберг, Б. Глинский и др.), признавали только ее стихи, объявляя ее прозу схематичной, вычурной и фальшивой. Те же, кто видел и ценил в творчестве Г. глубокий внутренний импульс, признавали и за ее прозой достоинство и значительность. «Отвлеченность Гиппиус,— писал чуткий критик И. Ф. Анненский,— вовсе не схематична по существу, точнее — в ее схемах всегда сквозит или тревога, или несказанность, или мучительные качания маятника в сердце» (Анненский И. Ф. О современном лиризме. З. «Оне» // Аполлон. 1909. № 3. С. 9). «Все герои ее рассказов,— писал С. Соловьев о Г.,— болеют ее собственной мукой: все они корчатся в тисках современной обезбоженной жизни, слятся разжечь угасший пепел религиозного состояния и действия» (Перевал. 1906. № 1. С. 54).

После появления программной работы Мережковского «О причине упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892) творчество Г. приобретает отчетливый «символический» характер. Первые сб. рассказов Г. «**Новые люди**» (1896; 1907) и «**Зеркала**» (1898), принесшие ей лит. известность, показывали людей символистского типа. Однако раскованный максимализм «новых людей», ставящих перед собой задачи поиска «новой красоты» и духовного преображения человека, вызвал раздражение и резкое неприятие со стороны либерально-народнической критики. Например, Н. К. Михайловский, недоумевая по поводу «новых людей» Г., характеризует ее творчество как явно «горячечный бред или монолог больного» (Михайловский Н. К. Отклики. СПб., 1904. Т. 1. С. 320). Но встречались и иные оценки. Так, о рассказе «Зерка-

ла» один из рецензентов писал: «Автор умеет сочетать изысканность замыслов с изображением наиболее простых, иногда даже намеренно серых людей и обстоятельств. <...> Очень оригинально описание кладбища <...>; от него веет не тишиной смерти, а, напротив, разнообразием и полнотой жизни» (Вестник Европы. 1898. № 1. С. 418). В основе рассказа «Зеркала» лежала известная мысль Платона об отражении высшего мира идей в низшем мире вещей. Герои рассказа — Раиса, Ян и Игнатий — идентичны главным героям «Идиота» Достоевского и почти буквально отражают мысли последнего. Как перед Достоевским, так и перед Г. стояла задача преодоления трагической двойственности человека, мечущегося между «демоническим» и «ангельским» началами.

Влияние Достоевского прослеживается и во мн. др. произведениях Г., в т. ч. и в романе «**Роман-царевич**» (1912), по своему сюжету близком «Бесам». «Я, должно быть, оттого и люблю Достоевского больше других,— признавалась Г. в письме к З. А. Венгеровой 4 июля 1897,— что понимаю, как путь к последней тишине,— сладострастие душевной боли» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 542).

«**Третья книга рассказов**» (1902) Г. вызвала наибольший резонанс в критике. Говорили о ее «болезненной странности» (Лит. вестник. 1902. Кн. 6. С. 142), «мистическом тумане» (Науч. обозрение. 1902. № 6. С. 244), «головном мистицизме» (Русская мысль. 1902. № 7. С. 220–221). Основная идея книги — раскрытие концепции метафизики любви на фоне духовных сумерек людей («**Сумерки духа**», 1899), еще не способных ее осознать.

Следующая книга рассказов Г. «**Алый меч**» (1906) освещает метафизику Г. уже в свете неохристианской тематики. Этот сб., по мнению А. Белого, «уступая в художественной силе „Сумеркам духа“, определенно и сильно окрашен проповедью христианства <...>, вскрывает мертвенность ходячих взглядов на христианство, увенчанное распадающимися храмами, в которых не звучит нам бархатный голос Тайны...» (Белый А. Арабески. М., 1911. С. 440).

Пятый сб. рассказов «**Черное по белому**» (1908) собрал произведения Г. 1903–06. В касательной, туманно-импрессионистической манере в нем затрагивались темы подлинного и мнимого достоинства личности («**На веревках**»), темы любви и пола («**Влюбленные**», «**Вечная „женскость“**», «**Двое-один**»), не без влияния Достоевского был написан рассказ «**Иван Иванович**

и черт». В рецензии на сб. А. Белый, отмечая, что в Г. «чувствуется рука крупного художника; в ней ум и полеты большого таланта», «черты художника-аналитика, вроде Леонардо да Винчи», писал: «Недосказанное давит читателя невоплощенной схемой <...>, проникновение в глубину человеческой личности у Гиппиус несоразмерно с формой выражения. В романе, в трилогии могла бы сказаться Гиппиус; почему не развивает она свои темы в этих формах?» (Там же. С. 446–447).

Последний сб. рассказов «**Лунные муравьи**» (1912) повествует о фундаментальных философских основах бытия и религии («**Он — белый**», «**Земля и Бог**», «**Они похожи**»). Этот сб., по мнению Г., подобрал в себя лучшие рассказы из тех, которые она написала.

В 1911 Г. публикует роман-трилогию: 1-я часть — «**Чертова кукла**» (Русская мысль. № 1–3); 2-я часть — «**Очарование истины**» — закончена не была; 3-я часть — «**Роман-царевич**» (Русская мысль. 1912. № 9–12; отд. изд. М., 1913). Роман, по замыслу Г., должен был «обнажить вечные, глубокие корни реакции в общественной жизни, собрать «черты душевной мертвенности в одном человеке». Роман вызвал острые споры и в целом негативную реакцию критики за «клевету» на революцию и за слабое худож. воплощение.

Г. заявила о себе и как драматург — «**Святая кровь**» (1900; вошла в 3-ю книгу рассказов); «**Маков цвет**» (1908; совм. с Мережковским и Философовым) — отклик на события революции 1905–07, переплетение любви и революции, показ подлинных и мнимых революционеров с идеалом «классовой борьбы». Драма «**Зеленое кольцо**» (1916), поставленная Вс. Мейерхольдом в Александринском театре (1915), оказалась самой удачной. Г. посвятила ее молодым, «зеленым» людям «завтра». Она же является автором двух киносценариев: «**Невидимый луч**» (середина 1920-х) и «**Борис Годунов**» (раннее название «**Дмитрий Самозванец. Сцены из драмы**»; 1930). Во втором киносценарии, написанном совместно с Мережковским, в главной роли должен был выступить Ф. И. Шаляпин, а в качестве художника предполагалось пригласить К. А. Коровина, но по разным причинам фильм так и не был поставлен (Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н. Данте. Борис Годунов. Киносценарии / под ред. и со вступ. статьями Темиры Пахмуус. New York, 1991; см. также: Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 9–87).

Наиболее ценная часть худож. наследия Г. представлена ее шестью стихотворными сб.: **«Собрание стихов 1889–1903 гг.»** (М., 1904); **«Собрание стихов. Книга вторая. 1903–1909»** (М., 1910); **«Последние стихи. 1914–1918»** (Пг., 1918); **«Походные песни»** (Варшава, 1920); **«Стихи. Дневник. 1911–1921»** (Берлин, 1922); **«Сияния»** (Париж, 1938). Стихи Г. писала нечасто, но писать их всегда любила и творила их, словно «молитву». В письме к В. Д. Комаровой от 29 июля 1897 она признавалась: «Ничто в мире не доставляет мне такого наслаждения, как писание стихов,— может быть, потому, что я пишу по одному стихотворению в год — приблизительно. Но зато после каждого я хожу целый день, как влюбленная <...> Стихи — это моя молитва. И дар писать их — все равно, худы они или хороши — я не променяла бы ни на какой другой дар» (Письма З. Гиппиус к В. Д. Комаровой / публ. Н. А. Богомолова // In memo-riam: исторический сб. памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 199). Конечно, мн. стихи Г. имеют мало общего с церковными гимнами и песнопениями, но в лучших своих поэтических творениях ей действительно удалось с какой-то особенной силой и блеском, с поистине «молитвенным» вдохновением выразить и свои самые заветные мысли, и литургические взлеты подлинных религиозно-метафизических устремлений. В поэзии Г. была «своя походка, свой почерк, свой жест в стихах; они, как силуэты, возникали перед глазами в чтении сквозь особый, изломанный ритм, преобладавшие любимых глаголов и эпитетов делало узким и по-своему изысканным ее поэтический словарь» (Шагинян М. С. Человек и время. С. 295). Секретарь Мережковских В. Злобин, говоря о лит. наследии Г., отмечал: «Она оставила после себя записные книжки, дневники, письма. Но главное — стихи. Вот ее настоящая автобиография. В них — вся ее жизнь, без прикрас <...>. Но их надо уметь прочесть. Если нет к ним ключа, лучше их не трогать: попадешь в лабиринт, из которого не выбраться» (Злобин В.— С. 7–8). Отзываясь на позднюю, пятую книгу стихов поэтессы, В. А. Амфитеатов писал: «...все та же строгая четкость стиха, все те же матово-жемчужные, благородные краски, какими Гиппиус давно пленяет нас» (Руль. Берлин. 1922. № 464. 28 мая. С. 9).

Основной нерв, постоянная напряженность, яркая импульсивность творчества Г. и прежде всего ее поэзии связаны от начала и до конца с почти трагической, роковой антиномичностью проблемы духовного и инди-

видуального выбора, с изначальной двойственностью стремлений, коренящихся в ее противоречивой натуре, с интенсивным поиском гармонии и свободы, с божеским и дьявольским в самом человеке. Это «как бы запись борьбы — заключенных в душу человеческую — рабьей и сыновней миро- и самоосознанности» (Шагинян М. С. О блаженстве имущего. С. 39): «Не ведаю, восстать иль покориться, / Нет смелости ни умереть, ни жить... / Мне близок Бог — но не могу молиться, / Хочу любви — и не могу любить» (**«Бессилье»**, 1893); «Ищу опасное и властное, / Слиянье всех дорог. / А все живое и прекрасное / Приходит в краткий срок» (**«Гроза»**, 1905).

Множество стих., рассказов, статей посвящено Г. теме любви: **«Критика любви»** (1901), **«Влюбленность»** (1904), **«Любовь и мысль»** (1925), **«О любви»** (1925), **«Вторая любовь»** (1927), **«Арифметика любви»** (1931). Замечательное стих. Г. о любви — **«Любовь одна»** (1896) было переведено Райнером Мария Рильке на немецкий яз. Во многом следуя за концепцией любви В. С. Соловьева и отделяя влюбленность от желаний, Г. поясняла, что влюбленность — «это единственный знак „оттуда“, обещание чего-то, что, сбывшись, нас бы вполне удовлетворило в нашем душе-телесном существе» (Антон Крайний. Лит. дневник (1899–1907). СПб., 1908. С. 198–199). Соглашаясь с героем Достоевского старцем Зосимой, что ад — это неспособность человека любить, в письме к Философову (16 июля 1905) она вновь возвращается к этой центральной для себя теме: «Я ищу Бога-Любви, ведь это и есть Путь, и Истина, и Жизнь. От Него, в Нем, к Нему — тут начинается и кончается все мое понимание выхода, избавления. Достижение всяческой ко всему и во всем — Любви» (Teresa Pachmuss. Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippus: Из переписки З. Н. Гиппиус. München, 1972. С. 69). Метафизика любви Г.— это неустанный поиск гармонии, попытка соединить «две бездны», небо и землю, дух и плоть, «я» и «мы» в «живой поток» Божественной вечности.

Октябрьскую революцию Г. решительно не приняла. После разгона Учредительного собрания, Брестского мира и установления диктатуры большевиков (прихода «царства Антихриста») Мережковские (Г., Мережковский, Философов и В. Злобин) ночью 24 дек. 1919 навсегда покидают Петербург и Россию. «Многие из нас,— писала Г. в 1927 И. Г. Гальперину-Каминскому,— и Россию покинули не для спасения своей жизни (бежать

было опаснее), а как раз для того, чтобы свидетельствовать о правде, говорить, кричать о ней. <...> Однако <...> и мы сами узнали это лишь здесь: наша правда так невероятна, наше рабство так неслыханно, что людям свободным слишком трудно понять нас...» («Кто бури знал...». С. 64). После недолгого пребывания в Польше в 1920, разочаровавшись как в политике Пилсудского по отношению к большевикам (12 окт. 1920 между Польшей и Россией было подписано перемирие), так и в роли Б. В. Савинкова, приехавшего в Варшаву, чтобы обсудить с Мережковскими новую линию в борьбе с большевиками, 20 окт. 1920 Мережковские, расставшись с Философовым, навсегда уезжают во Францию. В конце сент. 1928 Мережковские принимают участие в I съезде русских писателей и журналистов за рубежом, проходившем в Белграде. Вместе с др. писателями-эмигрантами старшего поколения они дважды встречаются с королем Александром, от его имени награждаются югославскими орденами Святого Саввы: Мережковский — первой, а Г. — второй степени, а также включаются в списки лиц для получения ежемесячных гос. субсидий. Кроме того, при Сербской академии наук создается специальная комиссия для издания «Русской библиотеки», в которой наряду с др. писателями издавались и Мережковские. В Париже они организует ж. «Новый корабль» (1927–28), а свои «воскресники» (1925–40) преобразуют в лит.-философское общество «Зеленая лампа» (1927–39), собиравшее представителей разных поколений эмигрантов и сыгравшее видную роль в интеллектуальной жизни «первой волны» эмиграции.

Собрания «Зеленой лампы», на которых председательствовал Г. Иванов, открылись 5 февр. 1927 выступлением В. Ходасевича и Д. Мережковского. Докладчики рассказали присутствующим о целях и задачах новой организации. На собраниях «Лампы» можно было встретить как начинающих, так и известных писателей: И. Бунина, Б. Зайцева, А. Ремизова, Н. Тэффи, М. Алданова, С. Маковского, Г. Адамовича, И. Одоевцеву, Н. Оцупа, Б. Поплавского, Ю. Терапиано, М. Цетлина, В. Злобина, Ю. Фельзена и др., а также критиков и философов Н. Бердяева, Г. Федотова, Л. Шестова, Н. Бахтина, Ф. Степуна. На вечерах «Лампы», проходивших на квартире у Мережковских, обсуждались самые разные темы, но непременно с религиозным уклоном: «**Русская литература в изгнании**» (Г.), «Русская интеллигенция как духовный орден» (Д. Мережковский),

«Шестое чувство (О символизме и судьбах поэзии)» (Г. Иванов), «Черты Любви» (Г.) и т. д. Неискоренный идеализм Г., метафизический масштаб ее личности, духовно-интеллектуальный максимализм не вмещались в прагматически-обездушенный период европейской истории накануне Второй мировой войны. Г. все больше ощущала себя оторванной от молодого поколения, непонятой и чуждой ее духовному миру.

В 1938, оставаясь верной себе, Г. задумывает издание бесцензурного сб. «Литературный смотр» (Лит. смотр: Свободный сб. / под ред. З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского; вступ. статья З. Н. Гиппиус. Париж, 1939), куда должны были войти произведения всех «отверженных» др. изданиями писателей. Статьи по вопросам философии и метафизики редакциями почти не принимались. Левая пресса относилась ко «всякой мистике» скептически, а правая — придерживалась церковно-ортодоксальной позиции. Для сб. Г. написала вступ. статью «**Опыт свободы**», в которой констатировала плачевное состояние как русской прессы, так и русских писателей эмиграции «младшего поколения», еще раз подчеркнув свою любимую мысль о необходимости всей русской эмиграции учиться подлинной, действительной, настоящей свободе, дарованной человеку от Бога. Бремя войны принесло в семью Мережковских прогрессирующую старость, невзгоды и голод. Их парижская квартира описывается за неплатеж. В 1940 уходит из жизни когда-то близкий друг Философов, в конце 1941 — Мережковский, в 1942 — сестра Анна. Г. тяжело переживает эти уходы. В последние годы жизни помимо мемуаров она изредка сочиняет стихи и работает над большой поэмой «**Последний круг**» (опубл. 1972). Поэма, из-за болезни и смерти Г. не успевшая облачиться в соответствующие «поэтические одежды», о чем сожалела сама поэтесса, по своему сюжету напоминает «Божественную комедию» Данте. В ней описывается странствие «нового Данте» по аду и чистилищу, где он встречает двух «грешников», современников Г., — «полудруга» и «друга», а также «Тень-Любовь». За этими образами поэмы легко прочитываются их реальные прототипы (Злобин, Философов, сама Г. и Мережковский). Творчество Г. при всем своем внутреннем драматизме и антиномичной полярности, при напряженно-страстном стремлении к «недостижимому» всегда являло собой не только изменение «без измены», но и несло в себе освобождающий свет надежды, «огненную», неистребимую веру-любовь в запредельную правду ко-

вечной гармонии человеческой жизни и бытия. Уже живя в эмиграции, о своей «звездной стране» надежды с афористическим блеском поэтесса писала: «Увы, разделены они — / Безвременность и Человечность. / Но будет день: совьются дни / В одну — Трепещущую Вечность» («*Eternite fremisante*», 1933). Пожалуй, трудно найти более глубокую и более емкую эмблематическую формулу для выражения не только эстетической философии и религиозной метафизики Г., но и единственного в своем роде стиля и внутреннего пафоса ее исповедально-интеллектуального творчества, чем та, которая была найдена ей самой у философа В. С. Соловьева: «Торжество вечной жизни — вот окончательный смысл вселенной. Содержание этой жизни есть внутреннее единство всего, или — Любовь; ее формула — Красота, ее условие — Свобода» (О любви // Гиппиус З. Незвестная проза: в 3 т. Т. 1. С. 459). Незадолго перед кончиной Г. делает свою последнюю запись: «Я стою мало. Как Бог мудр и справедлив». В последний момент перед смертью «две слезы стекают по ее щекам» и на ее лице появляется «выражение глубочайшего счастья» (Злобин В.— С. 137, 139–140). Мятущаяся душа Г., пройдя круги ада страданий и покаяния, видимо, обрела, наконец, покой и гармонию. «Божественные созерцания,— писал подвижник XX в. старец Софроний,— даются человеку не тогда, когда он их, и именно их, ждет, а тогда, когда душа сойдет в ад покаяния и действительно ощутит себя хуже всякой твари» (Русская лит-ра. 1994. № 4. С. 195).

Значение Г. для истории русской лит-ры, культуры и опыта духовных исканий огромно и поучительно, ибо «среди поэтов XX века по силе и глубине переживаний вряд ли найдется ей равный» (Злобин В.— С. 6). «Одним из умнейших и даровитейших писателей своего времени» считал ее Струве (Струве Г. П. Русская лит-ра в изгнании. Париж, 1984. С. 134). «Как сильный, самостоятельный поэт, сумевший рассказать нам свою душу, как выдающийся мастер стиха, Гиппиус,— писал В. Брюсов,— должна навсегда остаться в истории нашей литературы» (Брюсов В. Я. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 463).

Соч.: СС. Т. 1–4 / сост., прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2001; Соч.: романы: в 2 т. / вступ. статья и комм. Т. Г. Юрченко. М., 2001; Пьесы. Л., 1990; «Кто бури знал...»: Стихотворения. Воспоминания о Религиозно-философских собраниях / вступ. статья Евг. Барabanова; «Писано за час до Манифеста»: Письмо З. Н. Гиппиус

к Д. В. Философову / публ. и послесл. Евг. Бенья // Наше наследие. 1990. № 4(16); Соч.: стихотворения. Проза / сост., вступ. статья, комм. К. Азадовского, А. Лаврова. Л., 1991; Стихотворения. Романы / предисл., прим. Н. В. Королевой. М., 1996; Стихотворения / вступ. статья, прим. А. В. Лаврова. СПб., 1999; Дневники: в 2 кн. М., 1999; Проза поэта: Зинаида Гиппиус. М., 2000; Живые лица / вступ. статья, комм. А. Н. Николюкина. М., 2002; Незвестная проза: в 3 т. / сост., вступ. статья и прим. А. Н. Николюкина. Т. 1: Мечты и кошмар (1920–25). Т. 2: Чего не было и что было (1926–30). СПб., 2002. Т. 3: Арифметика любви (1931–39). СПб., 2003.

Лит.: Шагинян М. С. О блаженстве имущего: Поэзия З. Н. Гиппиус. М., 1912; Шагинян М. С. Человек и время. М., 1982; Злобин В. Тяжелая душа. Вашингтон, 1970; Терапиано Ю. К. Лит. жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж, 1984; Белый А. Начало века. М.; Л., 1933 (М., 1990); Белый А. Между двух революций. Л., 1934 (М., 1990); Соболев А. Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: биографический альм. М.; СПб., 1992. С. 319–371; Философов Д. В. Дневник (1917–1918) / вступ. статья, подгот. текста и прим. Б. Колоницкого // Звезда. 1992. № 1–3; Савельев С. Н. Жанна д'Арк русской религиозной мысли. Интеллектуальный профиль З. Гиппиус. М., 1992; Багно В. Е. «Красный» цикл писем Зинаиды Гиппиус к Зинаиде Венгеровой // Русская лит-ра. 1998. № 1; Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. М., 2000; Аксенова А. А. Гиппиус З. Н. // Лит. энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940). Т. 4. Ч. 1. М., 2001; Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

В. С. Федоров

ГИТОВИЧ Александр Ильич [1(14).3.1909, Смоленск — 9.8.1966, Ленинград] — поэт, переводчик.

Вырос в семье управляющего лесопильного завода Геллера. Обучался в Первой показательной школе Смоленска, где «издавал» с другом рукописный ж. «Двое». Тогда же вступил в местную артель художников слова «Арена», что вызвало тревожное письмо родителей: «Их сын из-за своего увлечения поэзией перестал учиться и рискует остаться на второй год» (Хренков Дм.— С. 10). Тем не менее вслед за «Ареной» Г. стал членом лит. объединения при газ. «Рабочий путь», которое возглавлял М. Исаковский и с которым были связаны А. Твардовский, Н. Рыленков. Первые стихи (о подавлении гамбургского восстания) Г. напечатал в этой газ. (**Новый год: Германия** // Рабочий путь. 1924. 1 янв.). В отличие от др. писателей-смоленцев того времени, увлеченных местным колоритом, Г. испытывал влияние Н. Гумилева и Р. Киплинга, что, возможно, и привлекло к нему внима-